

К развитию цели из образа действия: показатель *vari* в джалганском татском

Олег Игоревич Беляев

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
belyaev@ossetic-studies.org*

В статье рассматривается функционирование показателя *vari* в джалганском — одном из диалектов татской подгруппы юго-западных иранских языков. Этот показатель практически не зафиксирован в других татских идиомах; в джалганском он широко используется в сравнительных конструкциях со значением подобия. В этой функции он конкурирует с предложом *oqoste*, имеющим значительно более ограниченную дистрибуцию. В статье описывается дистрибуция этих двух показателей, а также семантические и морфосинтаксические особенности употребления *vari*. Особый интерес представляет развитие у показателя *vari* клаузалных употреблений, прежде всего особого типа целевого значения — т. н. цели образа действия, — схожего с семантикой русского коннектора *так, чтобы*. Наличие столь схожих конструкций в структурно различных и географически отдаленных языках может говорить о типологической релевантности этого вида цели. Также в статье на основании сопоставительных иранских данных показано, что значение цели в джалганском развилось непосредственно из значения образа действия. Несмотря на то что подобная полисемия отмечалась в литературе, случаи, когда данные однозначно говорят о непосредственной связи двух значений, засвидетельствованы сравнительно редко.

Ключевые слова: иранские языки, татский, джалганский, сравнительные конструкции, сложное предложение, придаточные цели, придаточные образа действия

Благодарности: Я благодарен Т. А. Майсаку, Ю. В. Сеницыной, А. Б. Летучему, А. А. Осиповой и Н. В. Сердобольской за ценные комментарии к языковым данным; Д. И. Эдельман, Д. Б. Буянеру, А. П. Выдрину, В. Б. Иванову, С. И. Каверину, А. Корн, Е. К. Молча-

новой, Д. Пастору, М. Сулейманову и А. А. Трофимову за примеры из татских и других иранских языков и этимологические комментарии; анонимному рецензенту за ценные замечания и исправления; носителям митаги-джалганского языка, в особенности Нажбетдину Керимуллаевичу Асланову и Галсуну Джангировичу Салахову, за перевод предложений и грамматические суждения.

Это исследование было бы невозможно без опоры на предшествующие работы отечественной школы иранистики и на историко-типологическую традицию, заложенную в огромной мере в трудах Джой Иосифовны, чей юбилей мы сейчас празднуем. Все ошибки — на моей совести.

Для цитирования: Беляев О. И. К развитию цели из образа действия: показатель *vari* в джалганском татском. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 8–56.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-8-56

Getting “purpose” from “manner”: The marker *vari* in Jalqan Tat

Oleg Igorevich Belyaev

*Lomonosov Moscow State University,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
belyaev@ossetic-studies.org*

In the present article I analyze the functioning of the marker *vari* in Jalqan, a variety of Caucasian Tat (Southwestern Iranian). This marker is barely attested in other Caucasian Tat varieties; in Jalqan, however, it is widely used in comparative constructions indicating similarity. In this function it competes with the preposition *oqostä*, which has a much narrower distribution. I describe the distribution of these two markers, as well as semantic and morphosyntactic aspects of the use of *vari*. One remarkable trait is the development of clausal functions of *vari*, in particular a special kind of purpose – the so-called purpose of manner – which is similar to the semantics of Russian *tak*, *čtoby* (“so that”). The existence of such similar constructions in structurally distinct and geographically remote languages may suggest the typological relevance of this type of purpose. Furthermore, based on comparative Iranian data

I demonstrate that the meaning of purpose in Jalqan has developed directly from manner. Even though such polysemy is previously attested in the literature, cases where the data unequivocally suggest a direct connection between the two meanings are very scarce.

Keywords: Iranian languages, Caucasian Tat, Jalqan, comparative constructions, clause linkage, purpose clauses, manner clauses

For citation: Belyaev O. I. Getting “purpose” from “manner”: The marker *vari* in Jalqan Tat. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 8–56. DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-8-56

1. Введение

Полисемия показателей целевых придаточных и придаточных образа действия (в свою очередь, связанных со сравнительным/симилятивным значением ‘как’) в языках мира встречается сравнительно редко [Schmidtke-Bode 2009: 152] и во многих языках является частью более общей интерпретации соответствующего показателя как подчинительного, вводящего различные типы клауз, см. [Treis 2017; Kuteva et al. 2019: 400–401].¹ В литературе зафиксированы лишь единичные случаи, когда можно с уверенностью говорить о непосредственном развитии значения цели из образа действия. В настоящей статье будет показано, что к числу таких случаев, по-видимому, следует добавить джалганский — один из диалектов татской группы (юго-западные иранские < индоевропейские), распространенный в Дербентском районе Республики Дагестан. В джалганском показатель *vari*, основным значением которого является эквативно-симилятивное, может присоединяться также к нефинитным клаузам со значением образа действия или цели. При этом в це-

¹ Работа над разделами 2, 3.1 и 4.2 выполнена в рамках темы НИР 125032004235-9 «Интегративное изучение индоевропейских языков в диахронии и синхронии: филология и лингвистика». Работа над разделами 3.2, 3.3 и 4.1 выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-18-00528-П «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

левой функции этот показатель маркирует особый подтип этого значения, который А. Б. Летучий [2017] назвал целью образа действия и который отчасти соответствует значению русского составного коннектора *так, чтобы*. В других иранских языках, в которых зафиксированы похожие показатели, они имеют только эквативно-симилятивную семантику и не употребляются с клаузами. Таким образом, в джалганском языке мы имеем дело с прямым развитием семантики цели из семантики образа действия.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 дается обзор основных сведений о митаги-джалганском языке, одним из двух диалектов которого является джалганский; в том числе, даются базовые сведения о синтаксическом строе и глагольной морфологии. В разделе 3 обсуждаются функции показателя *vari* в джалганском, при этом особое внимание уделяется его употреблению в качестве целевого показателя. В разделе 4 представлен типологический обзор связи семантики цели и образа действия, а также рассматриваются похожие на *vari* показатели в других иранских языках. В разделе 5 даются основные выводы статьи и перспективы для дальнейших исследований.

2. Основные сведения о митаги-джалганском языке

2.1. Языки татской группы: социолингвистическая ситуация

Татским языком принято называть совокупность близкородственных иранских идиомов, распространенных на территории Северного Азербайджана и Южного Дагестана. Начиная с исследований А. Л. Грюнберга [1963], надежно установлено, что татские диалекты находятся в близком родстве с персидским и, таким образом, относятся к т. н. юго-западной группе иранских языков. Предполагается, что эта группа идиомов была ранее распространена в указанном ареале намного шире, но на протяжении веков была постепенно вытеснена азербайджанским языком [Suleymanov

2020: 24]. Как указывает М. Сулейманов, термин *tat* изначально является экзонимом, который использовался тюркскими племенами для обозначения оседлого (как правило, ираноязычного) населения на всем пространстве исламского мира. Часть носителей татских идиомов переняла это слово в качестве лингвонима (*tati* ‘татский’), но используют и другие термины: *parsi* («персидский»), *dayli* («горский») и некоторые другие [Там же: 25]; горские евреи используют этнорелигиозное обозначение *juhuri* ‘еврейский (язык)’. Таким образом, сложно говорить о понятии *tat* как единой этнической самоидентификации. На сегодняшний день официальная письменная кодификация и своя литературная традиция имеются только у горско-еврейского языка Дагестана, который в советское время принято было называть собственно «татским».

Большинство работ о татском было посвящено либо горско-еврейскому языку (в том числе, наиболее полная и недавняя грамматика [Authier 2012]), либо мусульманским диалектам Азербайджана [Миллерь 1906; Миллер 1929; Грюнберг 1963; Mammadova 2017; Suleymanov 2020]. Принято считать, что в Дагестане мусульманские татские идиомы в основном вытеснены азербайджанским языком. Однако, как указывают многочисленные свидетельства этнографов и лингвистов [Магомедов и др. 2012; Викторин 2015; Кусаева и др. 2016], иранский язык сохранился в трех селах Дербентского района: Джалган (включая Нижний Джалган вблизи Дербента), Митаги и Митаги-Казмаляр. Проведенная в 2022 г. экспедиция сотрудников Института языкознания РАН в Дагестан подтвердила сохранность митагинского и джалганского диалектов [Когуаков 2022]; текущее распространение татских идиомов в Южном Дагестане представлено на Рис. 1. Настоящее исследование основано на данных, собранных в ходе экспедиции 2023 г. в с. Джалган; я благодарен моим консультантам за их грамматические суждения и прошу у них прощения за ошибки в фиксации языкового материала.

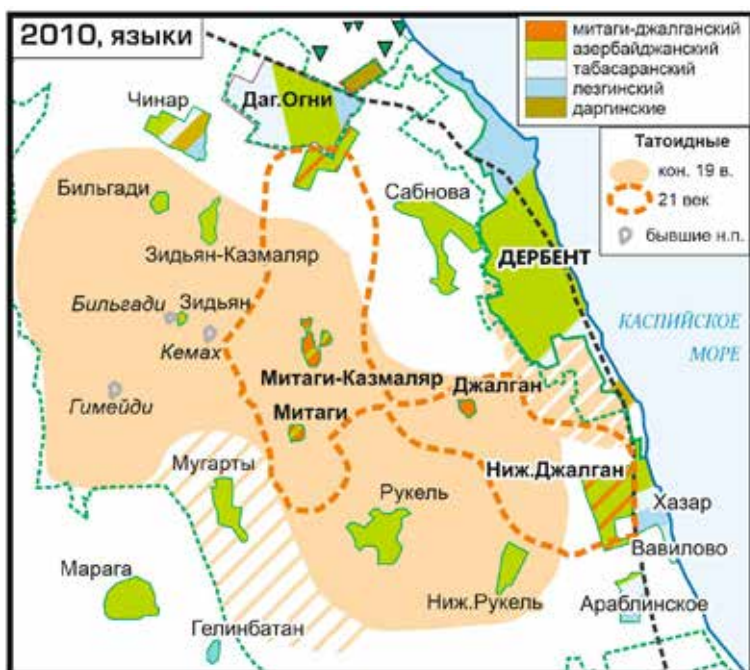

Рис. 1. Языки татской группы в Дагестане в 2010 г. (карта Ю. Б. Корякова)

Вопрос о классификации татских идиомов и о статусе отдельных диалектов пока до конца не прояснен. Традиционно используется термин «татский язык», однако Ж. Отье указывает, что на основании лингвистических характеристик можно говорить о нескольких татских языках [Authier 2016: 3179]. Лексические подсчеты, выполненные Ю. Б. Коряковым [Коряков 2022], указывают на то, что внутри татской группы можно выделить как минимум три отдельных языка: джуури, собственно татский и отдельно от последнего — ширванский татский. Митагинский и джалганский в этой схеме относятся к «собственно татскому», при этом доля соответствий в базовой лексике между митагинским и джалганским составляет 96 %, а между митаги-джалганским и

другими «собственно татскими» идиомами — 91 %. Последняя цифра соответствует пограничному статусу между языком и диалектом; учитывая обособленность носителей митагинского и джалганского и отсутствие у них татской идентичности,² представляется оправданным рассматривать митаги-джалганский как самостоятельный язык. При этом грамматические различия между митагинским и джалганским весьма существенны, так что представленные в настоящей статье джалганские данные нельзя автоматически переносить на митагинский.

2.2. Основные черты джалганской грамматики

Основные грамматические особенности джалганского в целом соответствуют другим идиомам татской группы. Как и в других иранских языках, порядок слов на уровне клаузы в татском — SOV. Актанты кодируются по аккузативному типу: подлежащее не маркируется, прямое дополнение как правило, кодируется показателем *=re* (который также кодирует внешних посессоров и реципиентов). В именной группе порядок смешанный: Det – Adj – N – Poss. Прилагательные в примененной позиции получают атрибутивный показатель *-(y)e*; в предикативной позиции они не маркируются. Посессоры могут быть немаркированными или оформляться зависимостным показателем *än* (*xune*³ (*än*) *amir* ‘дом Амира’); последний в ряде случаев является обязательным. Посессор может быть также выражен местоименными клитика-

² В советское время митагинцы и джалганцы официально рассматривались как азербайджанцы. Сегодня часть из них сохраняет эту идентичность, часть не имеет четкой этнической самоидентификации, используя обозначение соответствующих населенных пунктов («джалганцы», «митагинцы»). Свой язык многие носители называют *farsi*.

³ Анонимный рецензент указывает, что в других татских идиомах (например, в ширванском) в этой позиции сохраняются следы изафета (*xunä* → *xune* или *xune*). В джалганском, как будет сказано ниже, *e* и *ä* в конечной позиции нейтрализуются. Появление конечного *-u* перед посессором не зафиксировано (Т. И. Давидюк, л. с.).

ми, которые в большинстве своем сегментно совпадают с соответствующими полными местоимениями (*me* 'я', *xune=me* 'мой дом'), за исключением третьего лица (*u* 'он(а), тот', но *xune=yü* 'его/ее дом'; *unoho* 'они, те', но *xunä=ši* 'их дом'); последний тип можно считать случаем своего рода вершинного маркирования. Возможно также двойное маркирование, когда посессор выражен именной группой с послелогом *=re*, дублируемой посессивной энклитикой: *äli=re xune=yü* (A.=OVL дом=POSS.3SG) 'дом Али', букв «у Али его дом».

Падежные противопоставления в джалганском полностью утрачены; существительные изменяются только по числу. Для зависимостного маркирования ИГ используются как предлоги, так и послелог; некоторые послелог, особенно «общекошвенный» показатель *=re* и инструменталис *=oz*, возможно, в некоторой степени подверглись морфологизации. Данный вопрос требует дополнительного изучения.

Глагольная система джалганского, как и других татских языков, строится на базе двух основ, образование которых в общем случае нерегулярно и которые соответствуют основам «настоящего» и «прошедшего» времени в других иранских языках, но полностью утратили какую-либо связь с соответствующей семантикой. Следуя М. Сулейманову, я буду называть эти основы «первой» и «второй» основой соответственно и обозначать соответствующими цифрами в нижнем индексе возле их перевода (₁ ₂). От первой основы образуются формы конъюнктива (*bu-ray-üm* 'я бы пошел' от глагола *rafte* 'идти', первая основа *ray-*) и т. н. эвентуалис (*éventuel*) [Authier 2012] — форму с неясной футурально-модальной семантикой⁴ (*tu-ray-üm* 'я, вероятно, пойду'). Все остальные аспектуально-темпорально-модальные категории (презенс, аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект; «эвентуалис в прошлом», будущее, будущее в прошлом) образуются от второй основы. Поскольку описание глагольной морфологии не входит в задачи настоящего ис-

⁴ По форме эта категория соответствует настоящему времени новоперсидского языка (ср. *mi-rav-am* 'я иду') и может считаться примером т. н. «старого презенса» [Haspelmith 1998].

следования, я приведу лишь парадигмы презенса, аориста⁵ и перфекта, т. к. именно эти формы будут чаще всего встречаться в рассматриваемых примерах. Все указанные парадигмы образуются от второй основы.

Таблица 1. Парадигма презенса глагола *rafte* ‘идти’

лицо	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>mú-raft-am</i>	<i>mú-raft-en-im</i>
2	<i>mú-raft-en-i</i>	<i>mú-raft-en-it</i>
3	<i>mú-raft-e</i>	<i>mú-raft-en-ut</i>

Таблица 2. Парадигма аориста глагола *rafte* ‘идти’

лицо	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>ráft-um</i>	<i>ráft-im</i>
2	<i>ráft-i</i>	<i>ráft-it</i>
3	<i>raft</i>	<i>ráft-ut</i>

Таблица 3. Парадигма перфекта глагола *rafte* ‘идти’

лицо	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>raft-ám</i>	<i>raft-éy-im</i>
2	<i>raft-éy-i</i>	<i>raft-éy-it</i>
3	<i>raft-éy</i>	<i>raft-éy-ut</i>

Среди нефинитных форм в джалганском выделяется общеподчинительная форма, которая образуется от второй основы при помощи показателя *-e*⁶ (*raft-e* ‘идти’). Функционал

⁵ Я использую этот термин в его общепринятом типологическом значении, т. е. как простое перфективное прошедшее время. Формы, которые в иранистике традиционно называют «аористом» [Головизнин 2025], я называю конъюнктивом (subjunctive).

⁶ С исторической точки зрения появление этой формы связано с утратой конечного согласного в общеперсидском окончании инфинитива *-än*, в результате чего оно совпало с окончанием причастия прошедшего времени *-ä*, которое в джалганском на

этой формы чрезвычайно широк: она используется в приименных относительных придаточных (1), сентенциальных актантах⁷ (2) и сирконстантах⁸ (3).

- (1) [*tü der-e*] *kitob=e* *xund-am*
ты дать₂-SUBD книга=OBL читать₂-PRF:1SG
'Я прочел книгу, которую ты дал'.
- (2) *men=e* *xuř* *mu-mor-e*
я=OBL хороший IPFV-прийти₂-PRS[3SG]
[*futbol (bey)=säxt-e*]
футбол BEN=делать₂-SUBD
'Мне нравится играть в футбол'.
- (3) [*äli be šäh ba=raft-e*]
A. LOC город LOC=идти₂-SUBD
be=ü=roz *vegüft-eni* *fuađ=e*
LOC=тот=INS брать₂-FUT[3SG] Ф.=OBL
'Когда Али поедет в город, он возьмет Фуада с собой'.

В транскрипции джалганских примеров я следую системе, используемой в грамматике ширванского татского [Suleymanov 2020]. При рассмотрении примеров важно учитывать, что в джалганском, как и в других татских идиомах, представлены элементы гармонии гласных: вокализм может быть весьма нестабилен и подвержен влиянию со-

конце слов сужается до *-e*. Несмотря на то что утрата конечного *-n* в той или иной степени характерна для всех татских идиомов, в некоторых из них эти формы продолжают дифференцироваться, ср. окончание *-än* в азербайджанских диалектах [Грюнберг 1963: 66]; в джалганском процесс их слияния достиг своего окончательного завершения.

⁷ В конструкциях с сентенциальными актантами подчинительная форма может сопровождаться бенефактивным предлогом *beu*; в некоторых случаях — обязательно. Правила употребления этого предлога в инфинитивных конструкциях пока неясны; ср. обсуждение М. Сулейманова для ширванского татского [Suleymanov 2020: 317–318].

⁸ Часто — в сочетании с пространственным предлогом *ba*. Его статус и дистрибуция, как и для предлога *beu*, пока неясны.

седних слогов. Однако, в отличие от тюркских языков, это явление в татском несистемно, и одно и то же слово, даже в нескольких его произнесениях одним носителем, может различаться составом гласных. Кроме того, фонемный состав джалганского пока не до конца установлен; в частности неясно, являются ли /ä/ и /e/ разными фонемами. В ряде позиций эти звуки, по-видимому, являются взаимозаменяемыми, или же выбор реализации определяется гласными в соседних слогах. В частности, /ä/ и /e/ нейтрализуются на конце фонетического слова, так что, например, подчинительная форма от глагола ‘идти’ может произноситься и ближе к *rafte*, и ближе к *raftä*. Поскольку не всегда можно определить на слух, какой именно гласный был произнесен, для конечной позиции я буду условно использовать символ /e/, при этом в остальных позициях я буду, насколько это возможно, различать эти звуки на основании произнесенных, зафиксированных в конкретных примерах.

3. Показатель *vari* в джалганском

3.1. Употребление с ИГ

Сравнительные конструкции в митаги-джалганском языке ранее описывались в докладе [Винклер, Сеницына 2024], однако синтаксические свойства эквасимильятивных конструкций в этой работе подробно не обсуждались. В связи с этим я дам краткий обзор свойств показателя *vari* в его основных употреблениях, прежде чем перейти к обсуждению его полипредикативных функций.

Основной функцией постпозитивного показателя *vari* (также используется свободный вариант *varne*) в джалганском является обозначение стандарта сравнения в конструкциях со значением равенства. В типологической литературе принято различать эквативную и симильятивную функции [Haspelmath 2017; Сеницына 2025a]: в первом случае речь идет о равной степени обладания градуируемым признаком (*Петя такой же высокий, как Вася*); во втором — о сравнении двух ситуации по образу действия, который

представляет собой неградулируемую характеристику ситуации (*Петя поет как Карузо*). В джалганском татском в обоих случаях может использоваться как *vari*, так и препозитивный эквативно-симилятивный показатель *oqoste* ‘как’:

(4) эквативная функция

u bir-ey quwot-i oqoste päläng / päläng=vari
 тот быть₂-PRF[3SG] сила-ADJ как леопард леопард=SIM
 ‘Он был сильный как лев’.⁹

(5) симилятивная функция

u tu-xund-e oqoste quš / quš=vari
 тот IPFV-петь₂-PRS[3SG] как соловей соловей=SIM
 ‘Он поет как соловей’.

Несмотря на то что в (4)–(5) эти два показателя взаимозаменяемы, они имеют различную дистрибуцию. Показатель *vari* доступен для всех структурных позиций; он может присоединяться не только к вершине ИГ, но и к предложным и послеложным группам, причем сохранение исходного зависимостного маркирования обязательно: так, замена (7а) на (7б) приводит к недопустимой интерпретации симилятивной группы как относящейся к субъекту, а не к инструменту. Показатель *oqoste* присоединяется только к именным группам и не может использоваться ни в каких позициях, кроме субъектной, как видно из (6б) и (7в).

(6) а. *solmaz mohi=re gušt(=e)=wari tu-bur-e*

С. рыба=OBL мясо=OBL=SIM IPFV-резать₂-PRS[3SG]
 ‘Солмаз режет рыбу, как мясо’.¹⁰

⁹ С этимологической точки зрения *päläng* означает ‘тигр’ или ‘леопард’; ‘лев’ же обозначается словом *šir*. Однако носители джалганского часто смешивают оба эти слова. Как указывает анонимный рецензент, в диалектах к югу *päläng* обозначает тигра, тогда как леопард обозначается словом *bäbir*. Последняя лексема в моих записях не встретилась.

¹⁰ Необязательность показателя *(r)e* на слове ‘мясо’ связано с тем, что маркирование объекта этого типа в джалганском не является обязательным.

б. * <i>solmaz</i>	<i>mohi=re</i>	<i>oqoste</i>
С.	рыба=OVL	как
<i>gušt(=e)</i>	<i>tu-bur-e</i>	
мясо(=OVL)	IPFV-резать ₂ -PRS[3SG]	

(‘Солмаз режет рыбу, как мясо’.)

Комментарий носителя: «Мясо само себя не режет».

- (7) а. *bä=därbänd* *garm=ü* ***ba=afrika=warne***
 LOC=Д, теплый=3SG LOC=A.=SIM
 ‘В Дербенте жарко, как в Африке’.
- б. * *bä=därbänd* *garm=ü* ***afrika=warne***
 LOC=Д, теплый=3SG A.=SIM
 (*«В Дербенте жарко, как Африка».)
- в. * *bä=därbänd* *garm=ü* ***oqoste*** ***(ba=)afrika***
 LOC=Д, теплый=3SG как LOC=A.
 (*«В Дербенте жарко, как Африка».)

В терминах М. Хаспельмата и О. Бухгольц [Haspelmath, Buchholz 1998: 306–308] конструкция с *vari* является конструкцией с прозрачным падежом (case-transparent), т. е. «копирует» маркирование того участника, которым отличаются сравниваемые ситуации. Если же пользоваться терминологией, разработанной Л. Стассеном для компаративных конструкций [Stassen 2013], то джалганскую конструкцию с показателем *vari* можно назвать конструкцией с *производным падежом*¹¹ (derived-case), в противовес конструкциям с *фиксированным падежом* (fixed-case), в которых маркирование стандарта не зависит от синтаксической позиции. В рамках этой классификации *oqoste* можно назвать показателем с фиксированным падежом.

С синтаксической точки зрения *oqoste* можно рассматривать как предлог, и в этом случае естественно, что он не может сочетаться с другими предлогами или послелогоми. О *-vari*, напротив, можно предположить, что он не являет-

¹¹ Применительно к джалганскому под «падежом» здесь следует понимать не морфологический падеж (который в этом языке отсутствует), но предложное или послеложное маркирование участника.

ся послелогом и присоединяется не к ИГ или предложной/ послеложной группе, но к клаузе, ср. похожее рассуждение Ю. В. Синицыной применительно к горномарийскому языку [Синицына 2023: 667]. Действительно, как мы увидим ниже, *-vari* может присоединяться и к нефинитным глагольным формам, так что в (9а) можно предполагать эллипсис глагола; некоторым препятствием, впрочем, является тот факт, что глагол здесь может быть только нефинитным. Разработка синтаксического анализа джалганских эквативных и симилятивных конструкций требует обращения к дополнительным данным и выходит за рамки настоящего исследования.

Другое синтаксическое различие между двумя показателями состоит в том, что только *vari*, но не *oqoste*, может употребляться в приименной позиции:

- (8) *päläng=vari* / **oqoste* *päläng*
 лев=SIM как лев
quwot-i *edemi=re* *dir-am*
 сила-ADJ человек=OBL видеть₂-PRF:1SG
 ‘Я видел сильного как лев человека’.

- (9) *me* *gädä=varne* / **oqoste* *gädä*
 я мальчик=SIM как мальчик
duxtä=re *dir-am*
 девочка=OBL видеть₂-PRF.1SG
 ‘Я видел девочку, похожую на мальчика’.

Здесь следует отметить одну необычную особенность приименного употребления *vari*, которая пока не имеет удовлетворительного объяснения. Как видно из (9), при использовании с нереферентными стандартами сравнения в позиции подлежащего *=varne* присоединяется непосредственно к существительному, что ожидаемо для показателя с «зависимым падежом». Однако, если стандарт сравнения в приименной позиции является референтным, существительное должно дополнительно маркироваться косвенным падежным послелогом *=re*:

- (10) *äli=re=warne* / *men=e=warne* *edemi*
 A.=OBL=SIM я=OBL=SIM человек

<i>i</i>	<i>kor=e</i>	<i>ne-mi-s-ü</i>
этот	работа	NEG-IPFV-делать ₂ [EVT]-3SG
‘Такой человек, как Али / я, не может этого сделать’.		

Неясно, как объяснить эту синтаксическую модель. Возможно, она связана с ролью *=re* как показателя дифференцированного маркирования прямого дополнения, однако факторы, определяющие это маркирование, пока не изучены. Можно также предположить, что особое маркирование в (10) связано с тем, что семантика таких примеров отличается от семантики классических эквативных и симилятивных конструкций, представленных в (6)–(9): в этих примерах признак сравнения либо явно выражен (7)–(8), либо неявно подразумевается: образ действия в (6), внешний вид или совокупность признаков, отличающих мальчиков от девочек, в (9). В то же время в (10) описывается человек, который в чем-то сопоставляется со мной или Али, но, поскольку не существует какого-либо конкретного, независимо известного набора свойств, характерных для меня или Али, признак сравнения здесь оказывается принципиально невосстановимым.¹² Кроме того, в контекстах типа (10) часто подразумевается, что речь идет о самом Али («Али разбил окно. — Нет, такой человек, как Али, не мог этого сделать»). Об особенностях таких конструкций в русском языке, с примерами их употреблений, см. [Летучий 2015: раздел 3.4, подтип А].

Между показателями *vari* и *oqoste* имеются и семантические различия. Оба показателя являются эквативно-симилятивными, но в функции соответствия носители используют показатель *vari*, но не *oqoste*:

(11) <i>adät=mu=wari</i>	<i>ħürmät</i> ¹³
обычай=POSS.1PL=SIM	уважение

¹² Я благодарен за это наблюдение анонимному рецензенту.

¹³ Фонологический статус *ħ* (в противоположность *h*) неясен и требует отдельного изучения. Аналогичным образом, в некоторых словах (прежде всего, арабского происхождения: *ṣadät, ṣäli, ṣähmäd*) может произноситься начальный *ṣ*, однако это делается непоследовательно и не всеми носителями, поэтому этот звук в настоящей работе не отмечается.

<i>mi-st-en-im</i>	<i>bo</i>	<i>qunaq-u</i>
IPFV-делать ₂ -PRS-1PL	ЛОС	гость-PL

‘По нашему обычаю, мы уважаем гостей’.

Напротив, в ролевой функции [Haspelmath, Buchholz 1998: 280] может употребляться только *oqoste* (12); *vari* в таких контекстах имеет симулятивное значение (‘как будто X’), ср (13), в котором использование *vari* предполагает то, что говорящий не является отцом ребенка.

(12) а. <i>u</i>	<i>guftir-ey</i>	<i>mellim=varne</i>
тот	сказать ₂ -PRF[3SG]	учитель=SIM

‘Он сказал, как будто / *как учитель’.

б. <i>u</i>	<i>guftir-ey</i>	<i>oqoste</i>	<i>mellim</i>
тот	сказать ₂ -PRF[3SG]	как	учитель

‘Он сказал, как учитель (= будучи учителем)’.

(13) # <i>piyä=wari</i>	<i>me</i>	<i>fikir</i>
отец=SIM	я	мысль

<i>me-kešir-am</i>	<i>eseb</i>	<i>äyäl=me</i>
IPFV-тянуть ₂ -PRS:1SG	о	ребенок=POSS.1SG

‘Как будто отец, я переживаю за своего ребенка’.

Из этого можно было бы заключить, что *oqoste* имеет скорее эквативное значение, а *vari* — собственно симулятивное (подобие, но не совпадение). Однако в прототипических контекстах противопоставить эти два значения не удастся. Так, в (14) значение совпадения, согласно суждениям носителей, усиливается аддитивной частицей *iš*, при этом в равной степени возможно использование обоих показателей. Оба варианта также предполагают, что оба сравниваемых индивида являются высокими:

(14) <i>ähmäd=iš</i>	<i>turaz=u</i>	<i>oqoste</i>	<i>äli /</i>
A.=ADD	длинный=3SG	как	A.

<i>äli=varne</i> , (# <i>amma</i>	<i>äli</i>	<i>sära=yu</i>)
A.=SIM	но	A. короткий=3SG

‘Ахмед такой же высокий, как Али (#, но Али низкий)’.

Это противоречит критерию Дж. Ретт для эксплицитных эквативных конструкций, согласно которому они не

предполагают оценочной семантики (^{OK}*Jane is as tall as Bill, but she's short*); так называемые имплицитные эквативы собственно скалярной интерпретации не имеют и фактически утверждают наличие параметра сравнения у обоих индивидов (*# Jane is tall like Bill, but she's short*) [Rett 2020: 181]. В соответствии с этим критерием, ни *vari*, ни *oqoste* не являются эквативными показателями в собственном смысле этого слова; оба обладают симилятивной семантикой, и эквативное употребление возникает у них лишь имплицитно (если Ахмед высок подобно Али, то это предполагает совпадение или близость их роста).

Таким образом, контраст в (12)–(13) объясняется не противопоставлением эквативной и симилятивной семантики, но тем, что *vari*, по всей видимости, обладает модальным компонентом («как будто»), отсутствующим у *oqoste*. Основные же различия между этими показателями лежат в синтаксической плоскости: *oqoste* является предлогом с «фиксированным падежом», который может быть связан только с подлежащим и не может оформлять приименной модификатор; *vari* является постпозитивной частицей или послелогом с производным падежом, который может относиться к любому актанту предложения и выступать как на уровне клаузы, так и в приименной позиции.

3.2. Употребление с глаголами

В отличие от препозитивного показателя *oqoste*, показатель *vari* может присоединяться к клаузам. В этом случае глагол должен стоять в общеподчинительной форме на *-e*. При этом сравнительное значение сохраняется, ср. (15) и (16), являющийся «развернутой» версией (6). Предлог *oqoste* к клаузам не присоединяется.

- (15) *e* *oyri* *hükümet* *omor-e=wari*
 АВЛ другой страна прийти₂-SUBD=SIM
u *çiq* *doşt-ey*
 тот разговор держать₂-PRF[3SG]
 'Он разговаривал так, будто приехал из другой страны'.

- (16) *solmaz* *mohi=re* *mu-bur-e*
 С. рыба=OBL IPFV-резать₂-PRS[3SG]
gušt=e ***burir-e=wari***
 мясо=OBL резать₂-SUBD=SIM
 ‘Солмаз режет рыбу, как (она) режет мясо’.

Этот показатель может также употребляться в значении образа действия в смысле равенства, а не подобия. Например, в (17) способ выполнения действия в главной клаузе равен способу действия, о котором говорил субъект зависимой клаузы. Такие предложения следует отличать от т. н. клауз соответствия (accord clauses) — иллокутивных конструкций, модифицирующих высказывание, а не образ действия в главной клаузе. Так, в (18) говорящий утверждает, что его поведение соответствует ранее сказанному им, но не сообщает никакой информации об образе действия. В таких конструкциях ни *vari*, ни другие симилятивные показатели в джалганском не используются; вместо них используется вопросительное слово *ĉenem* ‘как’.¹⁴

- (17) *u* ***guftir-e=wari*** *me* *säxt-am*
 тот говорить₂-SUBD=SIM я делать₂-PRF:1SG
 ‘Я сделал так, как он сказал’.

- (18) а. *ĉenem* *me* *be* *tü* *guftir-am*,
 как я LOC ты говорить₂-PRF:1SG
me *unĵe* *nä-mu-raft-am*
 я там NEG-IPFV-идти₂-DUR:1SG
 б. * *me* *be* *tü* ***guftir-e=wari***,
 я LOC ты говорить₂-SUBD=SIM

¹⁴ При этом *ĉenem* является вопросительным словом и в общем случае не имеет эквативно-симилятивной функции ни с ИГ, ни с клаузами. По-видимому, в (18а) мы имеем дело со своего рода безвершинным относительным придаточным или коррелятивом с опущенным коррелятом («Как я тебе сказал, так я туда пойду»). По замечанию анонимного рецензента, такое употребление может также быть результатом калькирования русской конструкции.

me unje nä-mu-raft-am
 я там NEG-IPFV-идти₂-PRS:1SG
 ‘Как я тебе сказал, я туда не пойду’.

При этом широкая симулятивная семантика *vari* позволяет ему употребляться и в тех случаях, когда сравнение производится не по образу действия, а по другому параметру, например по количеству:

(19) *vegi pul=e tü xast-e=warne*
 брать.IMP[2SG] деньги=OBL ты хотеть₂-SUBD=SIM
 ‘Бери деньги, сколько хочешь (букв. «как хочешь»)’.

В качестве типичной для симулятивных показателей модели полисемии (ср. хотя бы рус. *как только*) *vari* используется для обозначения мгновенного предшествования:

(20) *fuad tülki dir-e=wari tufäng šund*
 Ф. лиса видеть₂-SUBD=SIM ружье бросать₂[AOR.3SG]
 ‘Как только Фуад увидел лису, он выстрелил’.

Подчинительная форма с показателем *vari* может выступать в предикативной позиции вместе с клиткой-связкой. В этом случае она получает симулятивное (21) или эпистемическое (22) значение.

(21) *ähmäd uçmiš bir-e=warne=yü*
 А. полет быть₂-SUBD=SIM=3SG
 ‘Ахмед как будто летит’ (о быстро бегущем человеке).

(22) *dust-o=mi omor-e=wari=yut*
 друг-PL=1PL.POSS прийти₂-SUBD=SIM=3PL
 ‘Наши друзья, кажется, пришли’.

3.3. Целевое значение

Центральный интерес для настоящей статьи представляет использование показателя *vari* с глаголами для обозначения цели. При том что нейтральным способом маркирования целевых придаточных в джалганском является сочетание подчинительной формы с бенефактивным предлогом *beu* ‘для’, в контексте (23) предпочтительным явля-

ется именно использование *vari* (в данном случае в поствокальной позиции выступающего в варианте *-wari*).

- (23) *me pana bir-am, men=e*
 я укрытие быть₂-PRF.1SG я=OBL
ne-dir-e=wari/ ^{OK} ***bey=ne-dir-e***
 NEG-видеть₂-SUBD=SIM BEN=NEG-видеть₂-SUBD
 ‘Я спрятался, чтобы меня не увидели’.

Однако такое употребление возможно лишь в ограниченном числе целевых контекстов. В большинстве придаточных этого типа использование *vari* оказывается недопустимым или малопринимлемым, как в следующих примерах:

- (24) *be tukun raft-am nu*
 LOC магазин идти₂-PRF.1SG хлеб
bey=xir-e/ * ***xir-e=wari***
 VEN=купить₂-SUBD купить₂-SUBD=SIM
 ‘Я пошел в магазин, чтобы купить хлеб’.

- (25) *me be kino raft-am, kino*
 я LOC кино идти₂-PRF.1SG кино
bey=deyşir-e/ * ***deyşir-e=wari***
 VEN=смотреть₂-SUBD смотреть₂-SUBD=SIM
 ‘Я пошел в кинотеатр смотреть кино’.

- (26) *me dirwärd-am kard=e nu*
 я вынуть₂-PRF:1SG нож=OBL хлеб
bey=bur-e/ * ***bur-e=wari***
 VEN=резать₂-SUBD резать₂-SUBD=SIM
 ‘Я достал нож, чтобы порезать хлеб’.

- (27) *me murad=e gal zor-um, televizor=e*
 я M.=OBL речь бит₂[AOR]-1SG телевизор=OBL
remont bey=säxt-e/ * ***säxt-e=wari***
 ремонт VEN=делать₂-SUBD делать₂-SUBD=SIM
 ‘Я позвал Мурада, чтобы он починил телевизор’.

- (28) *paraş tü=re degi, kefsüz*
 шапка ты=OBL надеть.IMP[2SG] большой

bey=ne-bir-e /VEN=NEG-быть₂-SUBD

‘Надень шапку, чтобы не заболеть’.

?? **ne-bir-e=wari**NEG-быть₂-SUBD=SIM

- (29) *be xünük-i me-düro, kefsüz*
 LOC холодный-NMLZ PRON-выйти.IMP[2SG] большой

bey=ne-bir-e /VEN=NEG-быть₂-SUBD

‘Не выходи на холод, чтобы не заболеть’.

***ne-bir-e=wari**NEG-быть₂-SUBD=SIM

Исходя из известных из типологической литературы семантических и структурных ограничений на целевые конструкции [Schmidtke-Bode 2009] различие между (23) и (24)–(29) объяснить затруднительно. Как видно из (23), клауза с *vari* может свободно использоваться в разносубъектных контекстах. Из (24)–(25) можно было бы предположить, что *vari* не используется с глаголами движения, однако (26)–(29) показывают, что этот показатель запрещается и при глаголах других классов. Наконец, поскольку в (23) представлено отрицание, *vari* можно было рассматривать как специализированный показатель для отрицательной цели (англ. *lest*), однако (28)–(29) показывают, что и в отрицательных клаузах этот показатель не всегда оказывается приемлемым. Кроме того, в (28)–(29) мы имеем дело с т. н. директивным употреблением, в котором можно ожидать особых ограничений на маркирование целевых придаточных [Schmidtke-Bode 2009: 145–146]; однако, как видно из (28) и особенно из (30) ниже, *vari* в таких придаточных также может употребляться.

Более внимательное рассмотрение джалганских данных показывает, что релевантным параметром, противопоставляющим две целевые конструкции, является наличие в конструкции дополнительной семантики образа действия, близкой по значению к русскому составному коннектору *так, чтобы*. В (23) использование *vari* допустимо, поскольку цель (‘чтобы меня не нашли’) может достигаться не самим фактом того, что говорящий спрятался, но тем или иным способом выполнения этого действия (выбор укрытия, отсутствие лишних движений и т. д.); ср. рус. *Я спрятался так, чтобы меня не нашли*. В (24)–(27) такая интерпретация не-

возможна: покупка хлеба, просмотр кино, резка хлеба или починка телевизора не могут быть связаны с каким-то особым способом похода в магазин, посещения кинотеатра, внимания ножа и приглашения знакомого мастера соответственно; ср.: **Я пошел в магазин так, чтобы купить хлеб*; **Я пошел в кинотеатр так, чтобы посмотреть кино*, **Я достал нож так, чтобы порезать хлеб*; **Я позвал Мурада так, чтобы он починил телевизор*. В (28) использование *vari* оказывается более допустимым, поскольку можно себе представить, что некоторый способ надевания шапки (например, с более плотным прилеганием ее к голове) способствует меньшей вероятности простудиться, хотя эта интерпретация и не является самой естественной; опять же, ср. *Надень шапку так, чтобы не заболеть*. При этом в (29), с той же зависимой клаузой, использование *vari* оказывается недопустимым, т. к. в главной клаузе речь идет о полном отказе от выхода на улицу, т. е. об отрицательной пропозиции, для которой нельзя говорить о каком-либо способе совершения.

Фактически, несмотря на целевую семантику, такие конструкции с *vari* сохраняют значение образа действия в главной клаузе. В качестве диагностического критерия, определяющего возможность использования *vari* (а также, вероятно, русского так, чтобы) для маркирования цели, может служить возможность использовать клаузы с ним в качестве ответ на вопрос «как?»: *Как ты спрятался? — Так, чтобы меня не нашли*; но: **Как ты пошел в магазин? — Так, чтобы купить хлеб*.

Такое объяснение использования *vari* в целевых конструкциях подтверждается существованием примеров, в которых возможно использование только *vari*, но не других целевых показателей. Так, в (30) использование формы *beu-* означало бы, что употребление чая само по себе препятствует обжиганию, что, очевидно, неверно фактически, так что такое предложение не является прагматически допустимым пожеланием. Использование же *vari* означает, что говорящий просит слушающего пить чай определенным образом.

- (30) *çou=e* *xan,* *duhu=tü=re*
 чай=OVL есть.IMP[2SG] рот=2SG.POSS=OVL
nä-zuzund-e=wari/ * ***bey=ne-zuzund-e***
 NEG-обжечь₂-SUBD=SIM BEN=NEG-обжечь₂-SUBD
 ‘Пей чай *(так), чтобы не обжечься’.

Ср. также (31), где предполагается, что говорящий спрятал деньги определенным образом для того, чтобы слушающий мог их найти. Использование обычного целевого показателя меняет интерпретацию предложения: в этом случае сам факт укрытия ключа преследует цель его нахождения слушающим, что может быть приемлемым разве что в контексте некоей игры.

- (31) *me* *burmä=re* *papa* *säxt-am*
 я ключ=OVL укрытие делать₂-PRF:1SG
tü ***oft-o=warne***
 ты найти₂-SUBD=SIM
 ‘Я спрятал ключ, чтобы ты (его) нашел’.

Важно заметить, что клаузы с *vari* необязательно являются единственным выражением образа действия в главном предложении: они могут употребляться совместно с наречием, как, например, *käm* ‘мало’ в (32)–(33), *aste* ‘тихо’ в (34):

- (32) *xünük-e* *ow=e* *käm* *xan,*
 холодный-ATTR вода=OVL мало есть.IMP[2SG]
kefsüz ***ne-bir-e=wari***
 больной NEG-быть₂-SUBD=SIM
 ‘Пей холодную воду по чуть-чуть, (так) чтобы не заболеть’.
- (33) *araq=e* *käm* *xan,*
 водка=OVL мало есть.IMP[2SG]
ruan ***ne-bir-e=wari***
 пьяный NEG-быть₂-SUBD=SIM
 ‘Пей мало водки, (так) чтобы не опьянеть’.

- (34) *äyäl* *aste* *be* *därs* *deşi,* *bo*
 ребенок тихо LOC урок войти₂[AOR.3SG] LOC

<i>oyrisi-ho</i>	<i>mařat</i>	<i>ne-bir-e=wari</i>
другой-PL	мешать	NEG-быть ₂ -SUBD=SIM
‘Ребенок тихо вошел на урок, (так) чтобы не мешать другим’.		

Такие примеры показывают, что обсуждаемое в этом разделе значение у клауз с *vari* обособлено от значения образа действия. Для уточнения специфики целевого значения у этих придаточных обратимся к определению К. Шмидтке-Боде: «Целевые клаузы — компоненты сложных предложений, которые обозначают, что одна глагольная ситуация (описываемая матричной клаузой) совершается с намерением способствовать осуществлению другой ситуации (описываемой целевой клаузой)» („Purpose clauses are part of complex sentences which encode that one verbal situation, that of the matrix clause, is performed with the intention of bringing about another situation, that of the purpose clause.“) [Schmidtke-Bode 2009: 20]. Как видно из (30), джалганские конструкции с *vari* этому определению не соответствуют: неверно, что действие в матричной клаузе (пить чай) осуществляется с намерением вызвать ситуацию в зависимой клаузе (не обжечься). Точно так же, в (32)–(33) речь идет не о том, что употребление холодной воды или водки в малых количествах предотвращает заболевание и опьянение соответственно. В (34) цель входа ребенка в класс — это, вероятно, присутствие на уроке, а не спокойствие его одноклассников. Осуществление целевой ситуации в таких предложениях связывается не с самим действием в главной клаузе, а со способом его выполнения.

Как уже указывалось выше, целевые придаточные с *vari* в джалганском по своей семантике близки к русским конструкциям с составным коннектором *так, чтобы*. Такие конструкции Н. Р. Добрушина [2016: 313–318] относит к классу придаточных «гипотетического следствия», куда также включаются предложения с сочетаниями *такой, чтобы; таким образом, чтобы; в такой степени, чтобы* и некоторые другие. А. Б. Летучий [2017] называет предложения с *так, чтобы* ПРИДАТОЧНЫМИ ЦЕЛИ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ, что пред-

ставляется весьма удачным обозначением и для придаточных с показателем *vari*. Как указывает А. Б. Летучий, такие придаточные выражают цель того, что некоторое действие осуществляется определенным образом. Этот вывод в целом совпадает с предложенным здесь обобщением о семантике целевых конструкций с *vari* и позволяет предположить, что придаточные цели образа действия являются типологически распространенным явлением. В качестве рабочего описания их значения можно предложить следующую модификацию определения К. Шмидтке-Боде:

- (35) ПРИДАТОЧНЫЕ ЦЕЛИ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ — компоненты сложных предложений, которые обозначают, что способ совершения одной глагольной ситуации (описываемой матричной клаузой) связан с намерением способствовать осуществлению другой ситуации (описываемой целевой клаузой)

Как и соответствующие придаточные в русском языке, придаточные с *vari* в джалганском являются наиболее типичными в контексте предикатов ‘легко’ и ‘трудно’, в примерах типа (36). Как указывает А. Б. Летучий [2017], в таких контекстах нельзя говорить о том, что придаточное выражает цель действия в собственном смысле слова (крышку открывают не для того, чтобы ее не сломать); поэтому обычная целевая конструкция здесь запрещается. Однако оно выражает намерение говорящего, связанное со способом выполнения этого действия, и поэтому (36) полностью соответствует семантике, сформулированной в (35).

- (36) *četün=ü* *kriškä=re* *bey=vokord-e*
 трудный=3SG крышка=OBL BEN=открыть₂-SUBD=SIM
xürd *ne-säxt-e=wari* / **bey=ne-sæxt-e*
 сломанный NEG-делать₂-SUBD=SIM BEN=NEG-делать₂-SUBD
 ‘Трудно открыть крышку так, чтобы (ее) не сломать’.

В следующем разделе я рассмотрю вопрос о том, насколько такое совмещение значений цели и образа действия распространено типологически, а также о пути развития целевого значения у показателя *vari*.

4. Типологическая перспектива

4.1. Связь между целью и образом действия

Полисемия показателей цели и сравнения или образа действия встречается в языках мира, хотя и не является самой частотной моделью, см. [Schmidtke-Bode 2009: 152], где среди выборки из 80 языков ее демонстрируют три. Следует, впрочем, отметить, что зачастую при таком совмещении значений показатель имеет также общеподчинительную функцию, ср. обсуждение в [Treis 2017] о языках Эфиопии и в [Kuteva et al. 2019: 400–401]. В истории русского языка, как указывают Н. В. Сердобольская и И. М. Кобозева [Serdobolskaya, Kobozeva 2024], союз *как(о)* развил целевую функцию (впоследствии утраченную) лишь на фоне развития у него ряда других подчинительных функций, прежде всего в конструкциях с сентенциальными актантами. Мне известно о следующих случаях, когда целевой показатель связан именно с образом действия или сравнением, не развив общеподчинительной функции: северносаамский (саамские > уральские) *láhkaï* [Ylikoski 2017], (старо)польский (славянские > индоевропейские) *jakoby* [Wiemer 2024], осетинский (иранские > индоевропейские) *куьд... афтæ* [Осипова 2024], лезгинский (лезгинские > нахско-дагестанские) *-wal* [Haspelmath 1993: 105–106, 392–393, 400], агульский (лезгинские > нахско-дагестанские) *-χildi / -nala* [Майсак 2014: 409, 437–438], кавказско-албанский (лезгинские > нахско-дагестанские) *-anqe* [Girpert et al. 2008: II-41], хваршинский (цезские > нахско-дагестанские) *-ohol* [Полякова 2024: 53], суппире (сенуфо > нигер-конго) *bà... тé* [Carlson 1994: 587–588], мон (австроазиатские) *лóŋ... кэ?* [Bauer 1982: 444–445].¹⁵

¹⁵ Многие из указанных здесь языков взяты из откликов на запрос И. Трейс в рассылке Lingtyp (<https://listserv.linguistlist.org/pipermail/lingtyp/2011-August/003362.html>, дата доступа 25.11.2025). Я благодарен Т. А. Майсаку за указание на эту ветку сообщений.

Кроме того, анонимный рецензент приводит в пример французские конструкции вида *de façon à + инфинитив* (букв. «таким образом, чтобы»), а также турецкие клаузы, маркирован-

К этому ряду следует добавить и джалганский татский: в этом языке *vari* обладает лишь обсуждавшимися выше функциями (сравнение, образ действия, мгновенное предшествование, цель). В конструкциях с сентенциальными актантами он может употребляться только в функции маркера неуверенности, вместе с глаголом-связкой — ср. (21)–(22) выше — но не как комплементаризер:

- (37) *men=e be fikir=men=ü [u men=e*
 я=OBL LOC МЫСЛЬ=1SG.POSS=3SG ТОТ я=OBL
fürmund-e=wari=yü /
 обмануть₂-SUBD=SIM=3SG
*mü-fürmund-e / *fürmund-e=wari]*
 IPFV-обмануть₂-PRS[3SG] обмануть₂-SUBD=SIM
 ‘Мне кажется, он (как будто) меня обманывает’.

Вопрос о происхождении *vari* и, соответственно, пути развития у него целевой семантики подробнее обсуждается в разделе 4.2 ниже.

Теперь рассмотрим семантические свойства конструкций с *vari*. Для большинства языков, в которых отмечает-

ные показателем *dıye*, который обладает также семантикой образа действия. Французскую конструкцию, по всей видимости, можно отнести к обсуждаемому здесь типу, ср. *Conduisez-vous de façon à vous faire aimer* ‘Ведите себя так, чтобы вас полюбили’ https://fr.wiktionary.org/wiki/de_façon_à, дата доступа 25.11.2025); работы с подробным анализом семантики этой конструкции мне неизвестны. Можно отметить, что целевое значение у нее можно связывать с использованием предлога *à* и инфинитива. Что касается турецкой конструкции, то *dıye* представляет собой показатель, производный от глагола речи [Gündoğdu 2017], и в этом смысле скорее может быть сопоставлен с использованием в джалганском *guftire* ‘говоря’ с придаточными цели, причины, прямой речью и т. д.; ср.: *me kitob=e nohr-am tū dir-i guftir-e* (я книга=OBL класть₂-PRF:1SG ты видеть₁[SVJV]-2SG говорить₂-SUBD) ‘Я положил книгу, чтобы ты увидел’ (букв. «Я положил книгу, мол, ты бы увидел»); в этом контексте может использоваться и *vari*). Последнее явление несомненно представляет собой результат тюркского влияния на татские языки.

ся полисемия показателей цели и образа действия, вопрос о специфике целевого значения с этими показателями не обсуждается. Так, Ю. Юликоски [Ylikoski 2016: 278] прямо указывает на «истинно целевое» (true purposive), не связанное с образом действия значение придаточных с северносаамским симилятивным показателем *láhkaí*. Б. Вимер [Wiemer 2024: 743] приводит лишь один пример на целевое значение польского *jakoby*, на основании которого трудно судить о компоненте образа действия. Один из примеров, который приводит И. Трейс на целевое значение симилятивного *-g* в языке камбаата (кушитские), как кажется, несовместим со значением образа действия: ‘Он позвал соседских детей (***так**), чтобы поиграть’ (‘He called the children of the neighbourhood in order to play’) [Treis 2017: 112]. Для суппире грамматика приводит недостаточно данных для понимания точной семантики конструкции [Carlson 1994: 587–588]. Судя по примерам в грамматике мон [Bauer 1982], показатель *лóŋ... кэ?*, несмотря на связь со значением образа действия, маркирует обычные целевые клаузы: ‘чтобы сделать фото, мне надо было бы достать пленку’ (‘in order to take a photograph, I would have to get a film’) [Там же: 445].

Целевые показатели в языках лезгинской группы (нахско-дагестанские) — лезгинском, агульском и кавказско-албанском — обнаруживают больше сходств с джалганскими данными. В лезгинском языке имеется показатель *-wal*, основная функция которого — образование абстрактных имен от существительных и прилагательных [Haspelmath 1993: 105]. Он также образует деепричастные формы, основная функция которых — маркирование значения образа действия и сравнения [Там же: 400]. Он также используется в целевой функции [Там же: 392–393]; несмотря на то что особенности целевой семантики автором грамматики не обсуждаются, из примеров видно, что она близка к семантике *vari*:

(38) лезгинский (лезгинские < нахско-дагестанские)

[Haspelmath 1993: 393]

<i>Stxa.di</i>	<i>jawaš-diz,</i>	<i>Nadja.di</i>	<i>q'at'u-n</i>
брат(ERG)	тихий-ADV	Н.(ERG)	ощущать-PER

t-iji-da-j-wal, žužu-na: *Im* *wuž ja?*
 NEG-делать-FUT-PTCP-PURP спросить-AOR ЭТОТ: AVS кто COP
 ‘Мой брат спросил, тихо, так чтобы Надя его не услышала: Кто это?’

Несколько более подробно описан целевой конверб на *-χildi / -hala* в агульском языке [Майсак 2014: 409]. Т. А. Майсак отмечает, что эта форма используется в целевом значении (39), однако «целевое значение здесь скорее отражает более общее значение данной формы — соответствие определенному положению дел («согласно тому, как», ‘в соответствии с тем, как’)» [Там же: 437–438]. Более того, Т. А. Майсак также отмечает наличие у этого показателя значения мгновенного предшества, что еще больше сближает его с джалганским *vari*.

(39) агульский (лезгинские > нахско-дагестанские)

[Майсак 2014: 437]

sünürči-s *ge* *k'i-či=ra*
 волшебник-DAT DEMG умирать.PFV-COND=ADD

da-žik'e-χildi

NEG-находить.IPFV-MNR

‘(попросил так его спрятать,) чтобы волшебница ни за что (букв. хоть умрет) его не нашла’

В исторически засвидетельствованном кавказско-албанском языке, также относящемся к лезгинской группе, существовал показатель *-anke* с похожей моделью полисемии: образ действия, время и цель [Gippert et al. 2008: II-42]. В самом грамматическом очерке каких-либо примеров на этот показатель не содержится, однако один из контекстов в Евангелии от Иоанна указывает на обычное целевое значение:¹⁶

(40) кавказско-албанский (лезгинские > нахско-дагестанские) [Gippert et al. 2008: V-72]

Vow-ne *eŋe-o'om* *žin-owχ* *hetanos-owχ*
 быть-3SG там-тот.же люди-PL язычник-PL

¹⁶ Выбор примера и глоссы — из поста В. Шульце в рассылке Lingtyp (<https://listserv.linguistlist.org/pipermail/lingtyp/2011-August/003372.html>; дата доступа 25.11.2025).

[хур-мæ куыд ба-хус у-ой], **афтæ**.
 солнце-ALL как PV-сухой быть-SBJV.3PL так
 ‘Оля развесила белье (так), чтобы оно высохло на солнце’.

(42) осетинский (иранские < индоевропейские) [Там же]

*Æз а-цъд-тæн дукани-мæ,
 я PV-идти-PST.1SG магазин-ALL
 [дзул **куыд** ба-лхæн-он], **афтæ**.
 хлеб как PV-купить-SBJV.1SG так
 (‘Я пошел в магазин, чтобы купить хлеб’.)

При этом между русскими, осетинскими и джалганскими конструкциями этого типа имеются существенные различия. Русские конструкции с *так, чтобы* можно считать в известной степени композиционными: за семантику образа действия в главной клаузе отвечает коррелят *так*, а за целевое значение — союз *чтобы*. На регулярность семантической деривации указывает и отмеченная Н. Р. Добрушиной принадлежность этих придаточных к более широкому классу конструкций «гипотетического следствия», о чем упоминалось в предыдущем разделе.

Осетинская и джалганская конструкции этим типом композиционности не обладают: в осетинском и союз *куыд* ‘как’ в зависимой клаузе, и коррелят *афтæ* ‘так’ в главной соответствуют семантике образа действия и не имеют вне этой конструкции целевых употреблений. При этом, возможно, целевая семантика в осетинском языке связана с наличием в зависимой клаузе сослагательного наклонения. С этим может быть связана также возможность употребления осетинских придаточных с *куыд... афтæ* при помещении всей конструкции под предикат с волитивной семантикой (43); в этом случае, как отмечает А. А. Осипова, никакой связи со значением образа действия не просматривается.

(43) осетинский (иранские < индоевропейские)

[Осипова 2024: 46]

Фæлтау=ын дидиндж-ытæ куы ба-лхæн-ис,
 лучше=3SG.DAT цветок-PL если PV-купить-OPT.2SG

[куыд	<i>ба-цин</i>	<i>каен-а]</i> ,	афтæ!
как	рv-радость	делать-SBJV.3SG	так
‘Лучше бы / вот бы ты купил ей цветы, чтобы она порадовалась!’			

В джалганском такого расширения семантики не наблюдается: *vari* можно использовать только в связи с образом действия, и в примерах, соответствующих (40), этот показатель неграмматичен. Кроме того, в джалганском, в отличие от русского и осетинского, отсутствует какой-либо формальный элемент, который мог бы указывать на целевой компонент или более широкую модальную / ирреальную семантику конструкции. Таким образом, если значение сравнения для *vari* является исходным, то в джалганском мы имеем редкий случай прямого развития целевого значения у показателя симилятива / образа действия с сохранением последнего компонента в его семантике.

Если же говорить о самом процессе развития семантики цели из образа действия, то можно наметить следующий приблизительный сценарий такой семантической эволюции. В (31) нефинитная клауза обозначает пропозицию «найти ключ». Присоединение показателя *vari* реферирует к параметру образа действия для этой клаузы: «способ найти ключ». Очевидно, что это не подходит для значения образа действия: (31) не означает #‘Я спрятал ключ так / тем способом, как ты их найдешь’. Представляется, что для получения целевой семантики достаточно предположить некоторое расширение понятия образа действия, его смещение в область пропозиции, а не события: «способ найти деньги» → «та совокупность обстоятельств, при которой деньги будут найдены». Это объясняет, почему показатель, изначально маркирующий образ действия, сочетается с отрицательными клаузами (23), (30), (32)–(33). Впрочем, остается неясным, каким мог бы быть переходный контекст (bridging context по [Heine 2002]), приводящий к реанализу придаточного образа действия как целевого.¹⁸

¹⁸ Как указывает анонимный рецензент, на развитие целевого значения могла повлиять и рестриктивность показателя *vari*.

4.2. Показатели-когнаты в других иранских языках

Для того чтобы определить путь развития *vari* в джалганском татском, нужно рассмотреть вопрос о его происхождении и о семантике когнатов этого показателя в других иранских языках. Показатели, схожие по форме с *vari*, встречаются в различных иранских языках, но являются довольно периферийными и редко обсуждаются в грамматиках или обобщающих работах. В татских языках *vari* зафиксирован в близкородственном митагинском идиоме, где он, по моим полевым данным, имеет форму *varik* (некоторые носители используют также форму *vari*; вариант *varne*, в отличие от джалганского, не засвидетельствован). В других татских идиомах показатель не зафиксирован, за исключением единственного примера на показатель *-vori* в значении соответствия в ширванском татском [Suleymanov 2020: 331], которое, между прочим, отсутствует в джалганском, ср. (14). Какие-либо другие примеры на этот показатель автору грамматики неизвестны (М. Сулейманов, л. с.).

Похожие показатели, однако, встречаются в других юго-западных иранских языках. Так, в разговорном персидском фиксируется показатель *-vār* (44); впрочем, в персидском этот показатель может скорее рассматриваться как образующий наречия от прилагательных, ср. (45) и такие примеры, как *otomātik-vār* ‘автоматически’ (В. Б. Иванов, л. с.), не предполагающие какого-либо сравнительного значения.

- (44) разговорный тегеранский персидский (иранские > индоевропейские) [Pastor 2025: 370]
age be-xā-y haftād-haštād-i-vār
 если IRR-хотеть.PRS-2SG семьдесят-восемьдесят-ADJ-SIM

Действительно, все примеры на его собственно сравнительные употребления (4)–(11), (14) обладают этим признаком, тогда как в нерестриктивных контекстах (12)–(13) используется только *oqoste*. Рестриктивностью обладает и цель образа действия: *Он так спрятал ключ, чтобы ты его нашел* предполагает, что «чтобы ты его нашел» — цель не просто прятанья ключа, а именно такого способа прятанья ключа.

fekr *kon-i...*
мысль (IRR)делать.PRS-2SG
'Если ты хочешь думать, как в 70–80-е годы...'

(45) персидский (иранские > индоевропейские)
[Ghavami, Najafi 2023]

دیوانه وار فریاد می زد
divāne-vār *faryād* *mi-zad*
безумный-SIM крик IPFV-бить.PST[3SG]
'Он безумно кричал' (или: 'кричал как безумный').

Более схожие с джалганским *vari* по форме и функции показатели имеются в языках Афганистана. Так, для кабульского дари в [Farhâdi 1955: 113] описывается «суффикс сходства с обстоятельственным значением» (“Suf[fixe] de ressemblance à valeur adverbiale”) *-wâre* / *-wârê*: *yočči-wâre* ‘как ласточка’, *gol-wâre* ‘как цветок’, *mâ-wâre* ‘как мы’, *ami-wâre* ‘как это’, *xub-wâre* ‘почти хорошо; неплохо’, *kam-wârê* ‘немного’, *čiz-ê wârê* ‘чуть-чуть’. Последний пример указывает на то, что, как и в джалганском, *wârê* присоединяется не к основам, но к целым составляющим: *čiz-ê* представляет собой неопределенное местоимение ‘что-то’, образованное от *čiz* ‘вещь; что?’ при помощи показателя неопределенности *-ê* (перс. *-i*). Для гератского дари Ю. А. Иоаннесян отмечает послелог *-wari* / *-wâri* в таких примерах, как (46)–(47).¹⁹ Тот же суффикс встречается в хазарейском языке (Д. Пастор, л. с.): *xar-wari* ‘ослоподобный’, *âdam-wari* ‘человекоподобный’.

(46) гератский дари (иранские > индоевропейские)
[Ioannesyan 2009: 14]

mess-e *ami* *miz-wâri* *amitô* *por-e*
образ-EZ этот стол-SIM так полный-3SG
'[стол] так, как этот стол, полон [еды]'

¹⁹ Примечательно, что в обоих примерах значение образа действия получает двойное маркирование предлогом *mess-e* / *mesâl-e* ‘как’. Об употреблении этого показателя ср. [Синицына 2025b].

- (47) гератский дари (иранские > индоевропейские) [Там же]
mesâl-e *âteš-vari* *mi-suz-ε*
 образ-EZ огонь-SIM IPFV-гореть.PRS-3SG
 ‘горит как огонь’

В таджикском языке имеется послелог *барин* ‘как’ (48), который является единственным послелогом в литературном языке. С функциональной точки зрения он соответствует показателям типа *vari* и схож с ними как структурно (послелог), так и фонетически, однако с точки зрения фонетических соответствий внутри иранских языков их приравнивание друг к другу затруднительно.

- (48) таджикский (иранские > индоевропейские)

[Perry 2005: 101]

Аҳмад	барин	<i>шатранчбоз-ро</i>	<i>ман</i>
А.	как	шахматист-ACC	я
<i>то</i>	<i>ҳол</i>	<i>на-дид-ам</i>	
до	сейчас	NEG-видеть.PST-1SG	
‘Я никогда не видел (такого) шахматиста, как Ахмед’.			

В иранских языках за пределами юго-западной группы показатели этого типа встречаются лишь спорадически и с высокой вероятностью представляют собой заимствования. Так, в грамматиках пушту такой показатель не фиксируется, но в словаре [Асланов 1983] встретился единственный пример *ستا وار کسان stā vār kasān* (ты SIM человек.PL) ‘подобные тебе люди’ — в данном случае можно предполагать влияние дари. В шамерзади — одном из мазандеранских диалектов, относящихся к северо-западной подгруппе иранских языков — фиксируется послелог *-vorī*, «указывающий на подобие» [Расторгуева, Эдельман 1982: 548]; при этом в других диалектах этой группы такой послелог не используется. Наконец, схожий по форме и функции показатель *war-â* (где *-â* — суффикс косвенного падежа) имеется в белуджском [Jahani 2019: 111]; этимология этого показателя неясна. Наличие ретрофлексного согласного может указывать на индоарийское заимствование (А. Корн, л. с.).

Дальнейший источник развития этой группы показателей остается неясным. Наличие у джалганского *vari* варианта *varne* может указывать на то, что *-i* здесь восходит к суффиксу **-in*; конечное *-n* на конце слов в джалганском, как и в других татских, выпадает, но восстанавливается в приименной позиции перед атрибутивным суффиксом *-e*: *varf* ‘снег’ — *varf-i* ‘снежный’ — *varf-in-e ruz* (снег-АДТТр день) ‘снежный день’. Однако деривационный суффикс *-var* в джалганском отсутствует: *päläng=vari* ‘как леопард’, **päläng-var*. Кроме того, все когнаты в других иранских языках (кроме, возможно, тадж. *барин*, если считать его когнатом) оканчиваются на *-i*, а не *-in*. В связи с этим можно предположить, что, если вариант *varne* и свидетельствует о глубинной форме аффикса **varin*, то эта форма стала результатом реанализа конечного *-i*, либо, как указывает анонимный рецензент, — следствием стяжения *vari* и депрециативного суффикса *-inā*, существующего в ширванском татском [Suleymanov 2020: 91].

Можно предположить связь этого показателя со средне- и новоперсидскими адъективными суффиксами *-var* и *-vār*. Первый из них образует прилагательные со значением ‘имеющий X’, напр. *bahrvar* ‘обладающей долей (имущества, наследства)»; второй — более широкий класс прилагательных, в том числе со сравнительным значением: ср.-перс., перс. *šāhvār* ‘царственный, подобающий царю’ [Расторгуева, Молчанова 1981: 74]. В. С. Расторгуева и Е. К. Молчанова [Там же] возводят оба показателя к корню **bar-* ‘нести’, однако путь развития сравнительного значения в этом случае остается неясным.²⁰ П. Хорн [Horn 1901: 191] разводит эти два суффикса и сравнивает ср.-перс., перс. *-vār* с санскр. *vāra-* ‘предназначенный для чего-л. момент, место’ (“*der für etwas*

²⁰ Е. К. Молчанова (л. с.) указывает на то, что изолированность *vari* в митаги-джалганском может говорить о его заимствованном характере. Однако источник такого предполагаемого заимствования неясен, если только не предполагать перенос из каких-либо других иранских языков, бытовавших ранее на территории южного Дагестана и Азербайджана.

bestimmte Augenblick, Platz”), относя сюда же перс. *bār* ‘раз’. При такой этимологизации путь развития значений сравнения и образа действия также остается не вполне ясным.

По мнению Д. И. Эдельман, высказанном в личном сообщении (письмо от 29.04.2024), *-vār(i)* в значении сходства также следует отличать от вышеуказанного проприетивного *-var / -vār*. По ее мнению, этот показатель следует связывать с корнем **var-* ‘выбирать; убеждать; верить’ [Cheung 2007: 420–421]. В таком случае семантическое развитие аналогично эволюции основы глагола **man-* ‘думать’ в показатель сходства [Эдельман 2015: 190], ср. н.-перс. *šērmān* ‘подобный льву’ (‘löwengleich’) [Horn 1893: 215]. Впрочем, слова со значением сходства могут также быть связаны с глаголом **mā-* ‘мерить’ [Эдельман 2015: 330].²¹

Следует также учитывать, что во всех рассмотренных выше случаях показатели типа *vari* допускают групповое оформление. Признание для них суффиксального происхождения предполагает, что они подверглись деграмматизации, т. е. переходу из класса аффиксов в класс клитик (послелогов).

Несмотря на то что этимология *vari* пока не установлена, приведенные выше данные позволяют с высокой степенью уверенности утверждать, что показатель **vārī* или **vārē* с эквативно-симилиативным значением возник как инновация в юго-западно-иранских языках; его сравнительно большее распространение в отдельных географических областях (таких как Афганистан) может говорить об отчасти ареальном характере этой инновации. Для целей настоящей статьи существенно, что ни в одном из языков, кроме джалганского татского, у этого показателя не фиксируется

²¹ В последнем случае можно также усмотреть параллель с семантическим развитием вышеупомянутого корня **var-* ‘нести’ в ос. *барын* ‘взвешивать; мерить; сравнивать’ [Абаев 1958: 238], возможно, через **bāra* ‘груз’ [Расторгуева, Эдельман 2003: 105]. Однако в таком случае для показателей типа **vārī* придется предположить дополнительный, не засвидетельствованный в юго-западных иранских языках шаг семантического развития.

целевого значения (хотя упомянутый выше пример из ширванского татского [Suleymanov 2020: 331] показывает, что там этот показатель как минимум в некоторых говорах развил клаузальные употребления). Это, на мой взгляд, однозначно свидетельствует о том, что в джалганском татском, во-первых, произошла экспансия именного показателя в область маркирования нефинитных клауз; во-вторых, целевое значение развилось непосредственно из значения образа действия.

5. Заключение

В настоящей статье было представлено описание симилятивного показателя *vari* в джалганском татском с особым вниманием к его целевым употреблениям. Показано, что в своем базовом значении этот показатель является эквативно-симилятивным, однако может присоединяться и к нефинитным клаузам. В этом случае, помимо типологически ожидаемых значений сравнения, образа действия и мгновенного предшествования, он также может маркировать целевые придаточные. При этом значение цели относится не к самой ситуации в главной клаузе, а к способу ее выполнения, что позволяет назвать такие конструкции *придаточными цели образа действия*, сближающимися с русскими конструкциями с составным коннектором *так, чтобы* [Добрушина 2016; Летучий 2017]. Кроме русского, этот тип целевого значения отмечался ранее в осетинском [Осипова 2024], лезгинском [Naspelmath 1993] и агульском [Майсак 2014], что может говорить о его более широкой типологической релевантности.

При этом джалганские данные, а также данные других иранских языков, свидетельствуют о том, что показатели типа **vari* являются чертой, характерной для юго-западных иранских языков, и их исходным значением несомненно было эквативно-симилятивное. Таким образом, в джалганском мы имеем дело, во-первых, с расширением именного показателя на клаузы; во-вторых, с развитием целевого зна-

чения непосредственно из значения образа действия. Первую из этих инноваций можно связать с общей для татских языков тенденцией замены финитных стратегий полипредикации на нефинитные, что может объясняться влиянием соседних языков. Вторая, на первый взгляд, представляется исключительно локальным семантическим переходом; однако, учитывая, что эквасимильятивно-целевая полисемия засвидетельствована в нахско-дагестанских языках, особенно в лезгинской группе, контакты с этими языками также могли повлиять на развитие у показателя *vari* специфической модели полисемии.

Открытым остается вопрос о существовании схожих показателей в иранских языках, за пределами рассмотренных в настоящей статье, — прежде всего, в других татских идиомах. Кроме того, неясно изначальное происхождение *vari* и источник развития у него эквативно-симильятивного значения. Наконец, более подробного описания — как в рамках джалганского, так и в типологической перспективе — требует компонент образа действия в целевых конструкциях, а также другие возможные пути развития у конструкций сравнения и образа действия целевого значения.

Список глосс

AVL: аблатив; ABS: абсолютив; ADD: аддитив; ADJ: адъективизатор; ADV: адвербиализатор; ALL: аллатив; AOR: аорист; ATTR: атрибутивный показатель; BEN: бенефактив; COM: комитатив; COND: кондиционалис; COP: связка; DAT: датив; DEMG: демонстратив G-серии (агульский); ERG: эргатив; EZ: изафет; FINAL: финальный показатель; FOC: фокус; FUT: будущее время; GEN: генитив; IMP: императив; INS: инструменталис; IMPV: имперфектив; IRR: ирреалис; LOC: локатив; LV: легкий глагол; MNR: образ действия; NEG: отрицание; NMLZ: номинализатор; OBL: косвенный падежный показатель; OPT: оптатив; PER: перифрастическая форма; PL: множественное число; POSS: посессив; PRF: перфект; PRS: настоящее время; PST: прошедшее время; PTCP: причастие; PURP: цель;

pv: преверб; svjv: конъюнктив; sg: единственное число; sim: симилятив (подобие); subv: подчинение.

Литература

Абаев 1958 — Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 1. А–К?. Москва; Ленинград, 1958.

Асланов 1983 — Асланов М. Г. *Афганско-русский словарь*. Москва, 1983.

Викторин 2015 — Викторин В. М. Этнолингвистический татский массив: три религии монотеизма в селениях вокруг Дербента (XVII–XIX вв.) — исходная общность и новые встречи. *Дербент — город трех религий (К большому Юбилею). Доклады и сообщения*. Махачкала, 2015, 189–198.

Винклер, Сеницына 2024 — Винклер М. Э. А., Сеницына Ю. В. Сравнительные конструкции в джалганском диалекте митаги-джалганского языка. Олишевская В. С., Кузнецова О. В. (ред.). *Двадцать первая Конференция по типологии и грамматике и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2024 г.)*. Санкт-Петербург, 2024, 39–42.

Головизнин 2025 — Головизнин М. В. Метаморфозы персидского «аориста» в русской востоковедческой школе: путь длиной в два столетия. *Индо-иранские языки*, 2025, 1 (2): 130–146.

Грюнберг 1963 — Грюнберг А. Л. *Язык североазербайджанских татов*. Ленинград, 1963.

Добрушина 2016 — Добрушина Н. Р. *Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики*. Прага, 2016.

Кусаева и др. 2016 — Кусаева З. К., Сатцаев Э. Б., Таказов Ф. М. Джалган и джалганцы: синтез персидского и аланского компонентов (по материалам фольклорно-этнографической и лингвистической экспедиции 14–18 июня 2016 г.). *Известия СОИГСИ*, 2016, 21 (60): 96–103.

Летучий 2017 — Летучий А. Б. Целевое придаточное. Рукопись к *Корпусной грамматике русского языка* (<http://rusgram.ru>, дата доступа 20.10.2025).

Магомедов и др. 2012 — Магомедов А. М., Оруджев Ф. Н., Магарамова З. А. Этногенез дагестанского этноса — митагинцев. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2012, 11 (25), ч. II: 131–134.

Майсак 2014 — Майсак Т. А. *Агульские тексты 1900–1960-х годов*. Москва, 2014.

Миллеръ 1906 — Миллеръ В. Ф. *Татские этюды*. Ч. II. *Опытъ грамматики татскаго языка*. Москва, 1907.

Миллер 1929 — Миллер Б. В. *Таты, их расселение и говоры (материалы и вопросы)*. Баку, 1929.

Осипова 2024 — Осипова А. А. Этюд о целевых конструкциях в осетинском языке. Алексеев Д. А., Хомченкова И. А. (ред.). *ПрОЛЕГомены ко всякой будущей лингвистике, могущей возникнуть в смысле науки*. Москва, 2024, 39–52.

Полякова 2024 — Полякова Е. Е. Такие же, как вокруг: эквасимилативные конструкции в хваршинском языке. *Rhema. Рема*, 2024, 3: 28–60.

Расторгуева, Молчанова 1981 — Расторгуева В. С., Молчанова Е. К. Среднеперсидский язык. Расторгуева В. С., Абаев В. И., Боголюбов М. Н. (ред.). *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки*. Москва, 1981, 6–146.

Расторгуева, Эдельман 1982 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Гилянский, мазандеранский (с диалектами шамерзади и велатру). Расторгуева В. С., Абаев В. И., Боголюбов М. Н. (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Москва, 1982, 447–554.

Расторгуева, Эдельман 2003 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2: *b–d*. Москва, 2003.

Синицына 2023 — Синицына Ю. В. Сравнительные конструкции. Кашкин Е. В., Винклер М.-Э. А., Давидюк Т. И., Дьячков В. В., Иванов В. А., Мордашова Д. Д., Плешак П. С.,

Хомченкова И. А. (ред.). *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении*. Москва, 2023, 648–681.

Синицына 2025a — Синицына Ю. В. *Эквативные конструкции в типологической перспективе*. Дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. МГУ имени М. В. Ломоносова, 2025.

Синицына 2025б — Синицына Ю. В. Семантические оппозиции в сравнительных конструкциях равенства в отдельных иранских языках. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2023, 4: 62–71.

Эдельман 2015 — Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 5. 1–н. Москва, 2015.

Authier 2012 — Authier G. *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est*. Wiesbaden, 2012.

Authier 2016 — Authier G. Tat. Müller P. O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.). *Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe*. Berlin, 2016, 3179–3196.

Bauer 1982 — Bauer Chr. H. R. *Morphology and syntax of spoken Mon*. Doctoral dissertation, School of Oriental and African Studies, University of London, 1982.

Carlson 1994 — Carlson R. *A Grammar of Supyire*. Berlin, 1994.

Cheung 2007 — Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden, 2007.

Farhâdi 1955 — Farhâdi A. *Le persan parlé en Afghanistan*. Paris, 1955.

Ghavami, Najafi 2023 — Ghavami A., Najafi P. Similitative constructions in Persian language. *Journal of Iranian Dialects and Linguistics*, 2023, 8 (1): 191–209.

Gippert et al. 2008 — Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. (eds.). *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai*. 2 vols. Turnhout, 2008.

Gündoğdu 2017 — Gündoğdu H. Y. *The structure of diye clauses in Turkish*. MA thesis, Boğaziçi University, 2017.

Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A Grammar of Lezgian*. Berlin, 1993.

Haspelmath 1998 — Haspelmath M. The semantic development of old presents. *Diachronica*, 1998, 15 (1): 29–62.

Haspelmath 2017 — Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective. Treis Y., Vanhove M. *Similitive and equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2017, 9–32.

Haspelmath, Buchholz 1998 — Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similitive constructions in the languages of Europe. Van der Auwera J. (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin, 1998, 277–334.

Heine 2002 — Heine B. On the role of context in grammaticalization. Wischer I., Diewald G. *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam, 2002, 83–101.

Horn 1893 — Horn P. *Grundriss der neupersischen Etymologie*. Straßburg, 1893.

Horn 1901 — Horn P. Neupersische Schriftsprache. Geiger W., Kuhn E. (Hg.). *Grundriss der iranischen Philologie*. Erster Band, 2. Abteilung. Straßburg, 1901, 1–200.

Ioannesyanyan 2009 — Ioannesyanyan Y. *Afghan folktales from Herat: Persian texts in transcription and translation*. New York, 2009.

Jahani 2019 — Jahani C. *A Grammar of Modern Standard Balochi*. Uppsala, 2019.

Koryakov 2022 — Koryakov Yu. B. Derbent-area Tatic: sociolinguistics and affiliation. *HSE ConLab seminar*, 04.10.2022.

Kuteva et al. 2019 — Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World Lexicon of Grammaticalization*. Second, extensively revised and updated edition. Cambridge, 2019.

Mammadova 2017 — Mammadova N. *Éléments de description et documentation du tat de l'Apschéron, langue iranienne d'Azerbaïdjan*. Thèse de doctorat, INALCO. Paris, 2017.

Pastor 2025 — Pastor D. *Le persan du XXIe siècle: Études de la langue vernaculaire*. Thèse de doctorat, École Normale Supérieure. Paris, 2025.

Perry 2005 — Perry J. R. *A Tajik Persian Reference Grammar*. Leiden, 2005.

Rett 2020 — Rett J. Separate but Equal: A Typology of Equative Constructions. Hallman P. (ed.). *Interactions of Degree and Quantificatoin*. Leiden, 2020, 163–204.

Schmidtke-Bode 2009 — Schmidtke-Bode K. *A Typology of Purpose Clauses*. Amsterdam, 2009.

Serdobolskaya, Kobozeva 2024 — Serdobolskaya N., Kobozeva I. Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. *Linguistics*, 2024, 62 (3): 691–728.

Stassen 2013 — Stassen L. Comparative Constructions. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). *WALS Online* (v 2020.4). Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13950591> (URL: <http://wals.info/chapter/121>, дата доступа 21.10.2025.)

Suleymanov 2020 — Suleymanov M. *A grammar of Şirvan Tat*. Wiesbaden, 2020.

Treis 2017 — Treis Y. Similitive morphemes as purpose clause markers in Ethiopia and beyond. Treis Y., Vanhove M. (eds.). *Similitive and equative constructions*. Amsterdam, 2017, 91–142.

Wiemer 2024 — Wiemer B. Polish *jakoby*: an exotic similitive-reportive doughnut? Tracing the pathway and conditions of its rise. *Linguistics*, 2023, 62 (3):729–767.

Ylikoski 2017 — Ylikoski J. Similarity, equality and the like in North Saami. Treis Y., Vanhove M. *Similitive and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2017, 259–290.

References

Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of Ossetic]. Vol. 1. A–K'. Moskva; Leningrad, 1958. (In Russ.)

Aslanov M. G. *Afgansko-russkii slovar'* [Pashto-Russian dictionary]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Authier G. *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est*. Wiesbaden, 2012.

Authier G. Tat. Müller P. O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.). *Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe*. Berlin, 2016, 3179–3196.

Bauer Chr. H. R. *Morphology and syntax of spoken Mon*. Doctoral dissertation, School of Oriental and African Studies, University of London, 1982.

Carlson R. *A Grammar of Supyire*. Berlin, 1994.

Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden, 2007.

Dobrushina N. R. *Soslagatel'noye nakloneniye v russkom yazyke: opyt issledovaniya grammaticheskoy semantiki* [The subjunctive in Russian: A study in grammatical semantics]. Prague, 2016. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. 5. 1–n. Moskva, 2015.

Farhâdi A. *Le persan parlé en Afghanistan*. Paris, 1955.

Ghavami A., Najafi P. Similitative constructions in Persian language. *Journal of Iranian Dialects and Linguistics*, 2023, 8 (1): 191–209.

Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. (eds.). *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai*. 2 vols. Turnhout, 2008.

Goloviznin M. V. Metamorfozy persidskogo «aorista» v russkoy vostokovedcheskoy shkole: put' dlinoy v dva stoletiya [Two hundred years of metamorphoses of the Persian “aorist” in the Russian school of Oriental studies]. *Indo-Iranian Languages*, 2025, 1 (2): 130–146. (In Russ.)

Gryunberg A. L. *Yazyk severoazerbaydzhanskikh tatov* [The language of the Tats of North Azerbaijan]. Leningrad, 1963. (In Russ.)

Gündoğdu H. Y. *The structure of diye clauses in Turkish*. MA thesis, Boğaziçi University, 2017.

Haspelmath M. *A Grammar of Lezgian*. Berlin, 1993.

Haspelmath M. The semantic development of old presents. *Diachronica*, 1998, 15 (1): 29–62.

Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective. Treis Y., Vanhove M. *Similative and equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2017, 9–32.

Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe. Van der Auwera J. (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin, 1998, 277–334.

Heine B. On the role of context in grammaticalization. Wischer I., Diewald G. *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam, 2002, 83–101.

Horn P. *Grundriss der neupersischen Etymologie*. Straßburg, 1893.

Horn P. Neupersische Schriftsprache. Geiger W., Kuhn E. (Hg.). *Grundriss der iranischen Philologie*. Erster Band, 2. Abteilung. Straßburg, 1901, 1–200.

Ioannesyan Y. *Afghan folktales from Herat: Persian texts in transcription and translation*. New York, 2009.

Jahani C. *A Grammar of Modern Standard Balochi*. Uppsala, 2019.

Koryakov Yu. B. Derbent-area Tatic: sociolinguistics and affiliation. *HSE ConLab seminar*, 04.10.2022.

Kusayeva Z. K., Sattsayev E. B., Takazov F. M. Dzhalgan i dzhalgantsy: sintez persidskogo i alanskogo komponentov (po materialam fol'klorno-etnograficheskoy i lingvisticheskoy ekspeditsii 14–18 iyunya 2016 g.) [Jalqan and its people: A synthesis of the Persian and Alan components (based on the data of the folklore-ethnographic and linguistic field trip of 14–18 June 2016)]. *Izvestiya SOIGSI*, 2016, 21 (60): 96–103. (In Russ.)

Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World Lexicon of Grammaticalization*. Second, extensively revised and updated edition. Cambridge, 2019.

Letuchiy A. B. Tselevoye pridatochnoye [Purpose clauses]. Manuscript for the *Corpus Grammar of Russian* (<http://rusgram.ru>, accessed 20.10.2025). (In Russ.)

Magomedov A. M., Orudzhev F. N., Magaramova Z. A. Etnogenez dagestanskogo etnosa — mitagintsev [The ethnogenesis of a Daghestanian ethnic group, the Mitahi]. *Istoricheskiye, filosofsk-*

kiye, *politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, 11 (25), part II: 131–134. (In Russ.)

Maisak T. A. *Agul'skiye teksty 1900–1960-kh godov* [Agul texts of the 1900–1960s]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Mammadova N. *Eléments de description et documentation du tat de l'Apséron, langue iranienne d'Azerbaïdjan*. Thèse de doctorat, INALCO. Paris, 2017.

Miller B. V. *Taty, ikh rasseleniye i govory (materialy i voprosy)* [The Tats, their area of settlement and dialects (materials and problems)]. Baku, 1929. (In Russ.)

Miller V. F. *Tatskie etyudy* [Tat studies]. Part II. *Opyt grammatiki tatskago yazyka* [An essay in Tat grammar]. Moskva, 1907. (In Russ.)

Osipova A. A. *Etyud o tselevykh konstruktsiyakh v osetinskom yazyke* [A study on Ossetic purpose clauses]. Alekseev D. A., Khomchenkova I. A. (ed.). *PROLEGomeny ko vsyakoy budushchey lingvistike, mogushchey vozniknut' v smysle nauki*. Moskva, 2024, 39–52. (In Russ.)

Pastor D. *Le persan du XXIe siècle: Études de la langue vernaculaire*. Thèse de doctorat, École Normale Supérieure. Paris, 2025.

Perry J. R. *A Tajik Persian Reference Grammar*. Leiden, 2005.

Polyakova E. E. *Takiye zhe, kak vokrug: ekvasimilyativnyye konstruktsii v khvarshinskom yazyke* [Just like the ones around here: Equasimilative constructions in Khwarshi and beyond]. *Rhema*, 2024, 3: 28–60. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Gilyanskiy, mazanderanskiy (s dialektami shamerzadi i velatru)* [Gilaki and Mazanderani (with Shamerzadi and Velatru dialects)]. Rastorgueva V. S., Abaev V. I., Bogolyubov M. N. (eds.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskiye yazyki: zapadnaya gruppа, prikaspiyskiye yazyki*. Moskva, 1982, 447–554. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Molchanova E. K. *Srednepersidskiy yazyk* [Middle Persian]. Rastorgueva V. S., Abaev V. I., Bogolyubov M. N. (eds.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Sredneiranskiye yazyki*. Moskva, 1981, 6–146. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. 2: *b–d*. Moskva, 2003. (In Russ.)

Rett J. Separate but Equal: A Typology of Equative Constructions. Hallman P. (ed.). *Interactions of Degree and Quantificatoin*. Leiden, 2020, 163–204.

Schmidtke-Bode K. *A Typology of Purpose Clauses*. Amsterdam, 2009.

Serdobolskaya N., Kobozeva I. Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. *Linguistics*, 2024, 62 (3): 691–728.

Sinitsyna J. V. *Ekvativnyye konstruksii v tipologicheskoy perspektive* [Equative constructions in typological perspective]. Kandidat thesis, Lomonosov MSU, 2025. (In Russ.)

Sinitsyna J. V. Semanticheskiye oppozitsii v sravnitel'nykh konstruksiyakh ravenstva v otdel'nykh iranskikh yazykakh [Semantic opposiitons in comparative constructions of equality in select Iranian languages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2023, 4: 62–71. (In Russ.)

Sinitsyna J. V. Sravnitel'nyye konstruksii [Comparative clauses]. Kashkin E. V., Vinkler M.-E. A., Davidyuk T. I., D'yachkov V. V., Ivanov V. A., Mordashova D. D., Pleshak P. S., Khomchenkova I. A. (eds.). *Elementy gornomariyskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii*. Moskva, 2023, 648–681. (In Russ.)

Stassen L. Comparative Constructions. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). *WALS Online* (v 2020.4). Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13950591> (URL: <http://wals.info/chapter/121>, дата доступа 21.10.2025.)

Suleymanov M. *A grammar of Şirvan Tat*. Wiesbaden, 2020.

Treis Y. Similitative morphemes as purpose clause markers in Ethiopia and beyond. Treis Y., Vanhove M. (eds.). *Similitative and equative constructions*. Amsterdam, 2017, 91–142.

Viktorin V. M. Etnolingvisticheskiy tatskiy massiv: tri religii monoteizma v seleniyakh vokrug Derbenta (XVII–XIX vv.) — iskhodnaya obshchnost' i novyye vstrechi [The ethnolinguistic landscape of Tat: Three monotheistic religions around Derbent (17th–19th cc.)]. *Derbent — gorod trekh religiy (K bol'shomu Yubi-*

leyu). *Doklady i soobshcheniya*. Makhachkala, 2015, 189–198. (In Russ.)

Wiemer B. Polish *jakoby*: an exotic similitive-reportive doughnut? Tracing the pathway and conditions of its rise. *Linguistics*, 2023, 62 (3):729–767.

Winkler M. E. A., Sinitsyna Ju. V. Sravnitel'nye konstruksii v dzhalganskom dialekte mitagi-dzhalganskogo yazyka [Comparative constructions in the Jalqan dialect of the Mitahi-Jalqan language]. Olishevskaya V. S., Kuznetsova O. V. (eds.). *Dvadtsat' pervaya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 21–23 noyabrya 2024 g.)*. Saint Petersburg, 2024, 39–42. (In Russ.)

Ylikoski J. Similarity, equality and the like in North Saami. Treis Y., Vanhove M. *Similitive and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2017, 259–290.